

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л22

Разработка серии *С. Курбатова*

Художник *А. Дурасов*

Ланцов, Михаил Алексеевич.

Л22 Иван Московский. Первые шаги / Михаил Ланцов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 320 с. — (Героическая фантастика).

ISBN 978-5-04-101143-7

Наш современник Иван Громов после смерти приходит в себя в теле отрока – старшего сына Великого князя Ивана III, при жизни получившего прозвище Грозный. Но второго детства не будет: мать отравлена, вокруг измены и интриги, брат режет брата ради власти и друзья не хуже врагов. А правители соседних стран жадно взирают на Московскую Русь, мечтая оторвать от нее кусок пожирней...

Выживет ли Громов в этом новом мире? Предотвратит ли прибытие в Москву новой жены «отца» Софьи Палеолог с ордой лукавых «данайцев»? Сумеет не допустить пагубных реформ, которые отбросят страну на столетия назад? Сможет ли помочь Ивану III Грозному разгромить татар и литвинов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ланцов М.А., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101143-7

ПРОЛОГ

Иван Иванович меланхолично смотрел на мокрый асфальт. Мелкий, мерзкий дождик моросил уже третий день. Было гадко и сыро. И лишь мощный мотор урчал, как кот-переросток, немного успокаивая и умиротворяя.

Очередной приступ боли закончился. И он, нажав педаль газа, двинулся дальше в погоне за пустой надеждой... смешной, наивной мечтой...

Громов прожил довольно длинную, бурную и интересную жизнь. Семейей, правда, не обзавелся — не до нее было. Но с карьерой, деньгами и самореализацией в различных увлечениях у него все было хорошо. Красной нитью через все его десятилетия проходили насыщенность и полнота острой, яркой жизни. Он бы и дальше продолжал «играть свой рок-н-ролл», если бы месяц назад его не «обрадовал» лечащий врач.

— Месяца три, — неуверенно произнес тот. — Может быть, больше, но я гарантий не дам.

Тут же появились «серьезные клиники», которые гарантировали успешное лечение. Но даже поверхностного взгляда на вопрос было достаточно для банального вывода — все они шарла-

таны. Наглые и дерзкие, мечтающие лишь о том, чтобы выкачать как можно больше денег «из лоха», превратив последние месяцы его жизни в ад.

Иван продал свой бизнес. Написал завещание. И отправился по совету старинного друга испытать свой шанс, свою удачу. Дескать, где-то там, в глуши, жил знахарь, и с ним уже обо всем договорились. Никогда в своей жизни ни с чем мистическим Громов не связывался. А сейчас... почему нет? В конце концов, все равно делать пока нечего. А красиво убится он всегда успеет, так как лежать последние недели жизни овощем под опиумом ему было стыдно.

Всю дорогу гнал. Спешил проскочить как можно дальше в «окна» между приступами боли, которые становились с каждым днем все чаще и сильнее. Но, к счастью, пока они были не внезапные, и он успевал остановиться и переждать их на обочине.

— Кар! — удивительно громко и резко где-то совсем близко крикнул большой черный ворон, и что-то большое, черное, смазанное, как тень, мелькнуло перед лобовым стеклом.

Иван на автомате крутанул руль, уходя от мнимого столкновения, и вылетел с насыпи на скорости свыше ста пятидесяти километров в час.

Короткий полет. И подушка безопасности, сработавшая при падении, бьет Громова в лицо. Он был не пристегнут, поэтому удар оказался намного сильнее расчетного. Достаточный для того, чтобы он потерял сознание и захлебнулся без лишних мучений в темных водах речного омута...

Глубокий сиплый вдох. И Иван открыл глаза. А рядом кто-то упал на пол и что-то забубнил.

Вокруг царила полутьма, прорываемая лишь крайне скудным светом тощей свечи, горящей на краю высокой и массивной подставки для книги. Такой, чтобы можно было спокойно читать стоя. Именно рядом с ней кто-то и шлепнулся на пол, но уже не просматривался. Растворился в темноте и явно отполз в сторону.

Немного привыкнув к освещению, Громов попытался понять, где он находится. Глухая комната с низкими потолками. Отделку не рассмотреть. Слишком мало света, из-за чего все вокруг тонет в черной мгле. Вроде струганое дерево, но мало ли?

Сам Иван лежал на твердой деревяшке. Было холодно и душно. Воняло ладаном, воском, гарью, какими-то травами и еще целым букетом непривычных разнообразных ароматов.

Хлопнула дверь, и бормотание прекратилось. А за стеной слышались быстро удалявшиеся шаги.

Иван Иванович попытался встать. Получалось плохо. Тело практически не слушалось и было каким-то... чужим, что ли. Этакая кукла, глухо и вяло шевелящаяся едва-едва. Да и не ощущалось оно толком, словно отлежал. И мозг работал туго, вяло и как-то сонно. Словно не родной. В таком предельно экономном режиме.

С горем пополам спустившись со своего уютного лежака, Громов кое-как добрался до подставки с книгой и навалился на нее, опираясь. Крепкая и основательная, она удивительно легко выдержала его наглое поведение. Разве что слег-

ка покачнулась. Иван же залип, уставившись на свои руки.

Ну как свои? Прямо перед собой, в свете свечи он наблюдал лапки подростка¹. Но вполне мог ими шевелить и был уверен, что они растут именно из его тушки.

Минуты две он их разглядывал, словно диво дивное. Нет, конечно, хорошо вот так взять и резко помолодеть. Лет на пятьдесят с гаком. Но вкупе с предельно странной обстановкой это выглядело крайне подозрительно.

Нервно сглотнув, он начал спешно ощупывать свое тело. А ну как не только молодость добавилась, но и пол сменился? Но тушка оказалась, к счастью, нужной комплектации.

— Чертовщина какая-то... — наконец тихо прошептал Громов и вздрогнул. Голос ожидаемо был не его. Это удивления не вызвало. А вот слова... он их сказал не так и не те. Словно тело само преобразовало мысли в привычную форму речи.

Чудно, но удобно. Пожав плечами, Иван склонился на книгу. Рукописная, большая, с кривыми, слегка пляшущими буквами в две колонки на засаленных страницах из пергамента. Тело явно не имело навыка чтения, а поэтому легко воспринять и дешифровать эту нагроможденную мешанину кириллических символов не смогло. Пришлось напрягаться самостоятельно, благо,

¹В данном случае идет указание на возрастную норму тех лет. С 0 до 6 лет — младенец (ребенок), с 7 до 14 лет — отрок (подросток), с 15 лет — совершеннолетний. Вступление в брак возводило отрока автоматически в совершеннолетие, поэтому хватало детей, зачатых 13–14-летними родителями.

увлекаясь исторической реконструкцией, Громов не раз сталкивался с различными рукописями старой Руси.

Отсутствие пробелов и изрядная неаккуратность написания немало мешали. Но строчек через двадцать пришло осознание — это псалтырь. Нет, сам Иван такого рода книги наизусть не знал. Однако «тело» — легко узнало. Видно, слышало, и не раз. Вот на уровне подсознания и всплыла подсказка. Да не простая, а с пояснением. Что-де это покойницкая и сбежал, верно, диакон, отпевавший его. Псалмы — это ведь песни. Нескладные, правда. Но именно их и требовалось читать нараспев возле покойника почти все время до его погребения.

«Покойника! — ударила мысль в мозг, а на спине выступил холодный пот. — Это ведь я покойник! Был...»

Люди всегда и везде крайне болезненно реагировали на оживших мертвецов. И совершенно непонятно, как местные отнесутся к нему, раз посчитали его мертвым и стали отпевать. Погрузившись в эти лихорадочные мысли, он даже не заметил приближающийся топот множества ног.

Бах!

Грохнула дверь, распахнувшись настежь и с силой ударившись о стену. Чуть с петель не слетела. А на пороге застыло несколько человек. Двое — в характерных рясах. Явно священники или около того. Остальные — ряженные под старину, словно реконструкторы какие на маневрах с глубоким погружением в исторический антураж.

Тишина. Лишь свечи в руках людей потрескивали да слышалось многочисленное сиплое,

прерывистое дыхание. Иван же невозмутимо посмотрел на них и вернулся к книге, перевернув страницу. Приходилось импровизировать на ходу, ибо кто они такие и что от них ожидать — не ясно. А тело подсказок давать не спешит.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом кто-то дал затрещину худенькому, трясущемуся мужчине в рясе. И тот, подвывая невнятным речитативом какую-то мешанину звуков, направился осторожными шагами к Ивану. Да не просто так, а держа перед собой большой крест, вроде как щит. И глаза такие дикие. Почти безумные.

Громов прислушался. По логике ситуации это бормотание должно быть молитвой. Только разобрать слов не представлялось возможным. Тело молчало. А его обширные знания не сильно помогали. Паренек слишком уж нервничал и коверкал слова своим трясущимся артикуляционным аппаратом до полной потери узнаваемости.

Иван спокойно подождал, пока он подойдет, невозмутимо наблюдая за этим диаконом. Когда же он приблизился достаточно, насколько мог резко шагнул вперед, схватил левой рукой за крест. Ну и приглубил правой ногой страдальца между ног. Лапки у того разжались, оставляя крест Ване. А он сам осел на колени с широко открытым ртом в беззвучном крике, полном неприкрытой боли.

— Это тебе, пес, за коверканье псалмов! — как можно более жестко рявкнул Иван. — А это — за невнятное чтение молитвы! — рявкнул Громов и, перехватив увесистый крест двумя руками, хватил его перекрестьем прямо по лбу этого диакона. Да так крепко, что тот окончательно рухнул на пол,

хотя сознания и не потерял. — Молитвы нужно читать внятно! Скотина! — добавил Иван и пнул бедолагу ногой в живот. Да не носком, а пяткой. Лапка-то его нижняя была босая. Чего ее травмировать по-пустому? А потом обратился ко второму священнику: — Отче, почто вы меня желали живьем закопать? В чем я провинился перед вами?

— Я? Живьем? — нервно переспросил этот упитанный и весьма солидного вида священник в чистой, опрятной рясе. И попятился. Но ушел недалеко. Его светский спутник, одетый богаче всех, вдруг зарычал не своим голосом и схватил этого толстяка за горло, припечатал к стене.

Драку попытались разнять. Ну как разнять? Уговорить светское лицо не горячиться. Трогать руками его никто не решился. Кроме Ивана. Тот кое-как доковылял и, схватив душителя, громко крикнул:

— Хватит!

От этого окрика тонким подростковым голосом опешили все и замерли. Даже богато одетый мужчина, который с изумлением посмотрел на подростка.

— Коли убьешь, так и спрашивать будет некого, — развил свою мысль Иван.

— И то верно, — после долгой паузы кивнул богато одетый мужчина и нехотя отпустил священника. Тот осел на пол, растирая шею. А Иван же пошатнулся и едва не упал, но его вовремя удержала крепкая рука.

— Поесть бы, — тихо буркнул Громов, понимая, что чудовищно устал от всей этой ходьбы и действительно испытывает просто какой-то лютый голод.

Несколько секунд. И его подхватили да куда-то потащили. Да заботливо как-то и вполне обходительно. Во всяком случае, не задевая углы с косяками. А подсознание тем временем начало вываливать какие-то обрывистые и в известной мере шокирующие сведения. Например, оказалось, что мужчину того грозного из числа богато ряженных звали Иван Васильевич и он приходился этому подростковому телу отцом. Подрабатывая по совместительству местным Великим князем.

Странно? Еще как! Особенно для человека, который всего, по собственному ощущению, полчасачас назад ехал на автомобиле. Но дальше было веселее. На дворе не XXI век кипуче летел вперед, а с ноги на ногу сиротливо переминался XV. Тело выдало воспоминание о 6976 годе от сотворения мира. Ваня не раз сталкивался с задачей конвертации подобных дат, поэтому без всяких проблем сначала понял, о каком периоде идет речь, а потом пересчитал все в привычный формат. У него получился 1467 год от Рождества Христова¹.

Он не был великим специалистом по истории Руси, но «на Москве» в XV веке был только один Великий князь Иван — Иван III Васильевич. Если опираться на нумерацию Карамзина. А кто он получался? Так вестимо. Сынок. Старший. Любимый. И тоже Иван по прозванию Молодой², дабы

¹ С XII века на Руси год начинался в марте по улыграмартовскому стилю, то есть для получения года от Рождества Христова требовалось вычесть 5509 из даты.

² Иван Иванович Молодой (1458–1490) старший сын Ивана III от Марии Борисовны Тверской. Умер предположительно от отравления мачехой — Софьей Палеолог.

ИВАН МОСКОВСКИЙ. ПЕРВЫЕ ШАГИ

с отцом не путать.

«Неплохой заход, — мысленно констатировал Громов. — Мог и холопом оказаться или вообще женщиной...»

Почему он не умер, а очнулся в теле юного княжича — большой и серьезный вопрос. Но Ивана он не мучил. Его прагматичный мозг в считанные секунды сделал вывод — информации крайне недостаточно для адекватного вывода. А значит что? Правильно. Морочить себе голову пустыми сказками глупо и бессмысленно.

Да и ради чего? Если это чьи-то происки, то пожелает — сам расскажет. А нет? Так и леший с ним. Если же это случайность или аномалия — так и подавно.

Для него сложилось все как нельзя лучше. Ведь он вновь стал молодым, а страшная болезнь отступила. Чего же ему еще надо? Да, все это произошло очень странным образом. Однако он ничего не имел против — такой поворот всяко лучше, чем смерть. Да, старого владельца из этой тушки кто-то выселил, но угрызений совести Иван не испытывал. Не он выселял, а раскаиваться за чужие проступки он как-то не привык. Да, жизнь в XV веке не сахар. Но так ведь он не селянином сюда заехал...

Часть 1

НОВОРОЖДЕННЫЕ ПЕНАТЫ

— Если боги есть, почему тогда в мире столько страданий и несправедливости?

— Из-за таких, как вы.

— Таких, как я, больше нет. Я один в своем роде.

*Джейме Ланнистер,
Кейтилин Старк*

Глава 1

1468 год, 2 марта, Москва

новый Иван Иванович замер, наблюдая за своим противником. А потом решительно двинулся вперед.

Выпад. Выпад. Шаг. Выпад.

Легкое копьё в его руках очень опасно сверкало, стремясь поразить оппонента в ноги. И раз за разом вынуждая отступать, пятясь спиной и то и дело норовя упасть. Изредка противник пытался отмахиваться мечом. Но на это требовалось слишком много времени. И на ползамаха он вновь оказывался вынужден отпрыгивать назад.

На дворе была середина XV века. А значит, фехтовальные школы только-только зарождались. Причем не на Руси. Здесь, конечно, какие-то навыки передавались в рамках дружинной культуры. Но весьма невысокие. В лучшем случае отдельные удачные ухватки. Да и то — не всегда и не везде.

Конечно, встречались мастера клинка. Но их

было мало, да и являлись они всего лишь удачливыми самоучками, без всякой системы. Тут узнали один прием, там другой, где-то подсмотрели третий... так и росли, так и развивались. И хорошо, если сыну или ученику ухватки свои передавали. Зачастую же все их мастерство отправлялось в лучший мир вместе с носителем.

Выпад. Выпад. Шаг. Выпад.

Оппонент Вани оступился левой ногой и замешкался на пару секунд. Этого оказалось достаточно. Копье скользнуло вперед и ударило затупленным наконечником в голень опорной ноги. Противник вскрикнул и потерял равновесие. Взмахнул руками, пытаясь устоять. И получил сильный, акцентированный удар в грудь. С подшагом. Прямо в пластину доспеха.

Раз.

И он рухнул навзничь, вышибая воздух из легких. А как чуть оклемался, принялся растирать ушибленную ногу. Копье хоть и затупленное, но все равно колющий удар — быстр и весьма неприятен.

— Молодец! — громко произнес Иван III, который, как оказалось, подошел совершенно тихо.

— Отец, — почтенно произнес наш герой и уважительно качнул головой.

— С мечом ты так же хорош?

— Нет, отец. Он слишком тяжел для меня. Пока. Но я стараюсь.

Великий князь довольно кивнул и улыбнулся. Раньше он с сыном мало общался, ведь ему было всего девять лет¹. А до отрочества малыш прово-

¹В момент вселения телу Ивана Молодого было неполных 9 лет. На момент поединка — только-только исполнилось 10.